

**РАЗНОВИДНОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ  
ДЕСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМЕДИИ  
А.Н. ОСТРОВСКОГО «ВОЛКИ И ОВЦЫ»)**

*Д.А. Романов*

*Доктор филологических наук, профессор,  
руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований  
e-mail: [kafrus@rambler.ru](mailto:kafrus@rambler.ru)*

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого*

*На языковых примерах из комедии А.Н. Островского «Волки и овцы» исследуются различные проявления деструктивного коммуникативного поведения. Оно трактуется в неразрывной связи с внеязыковыми (психологическими) факторами: мотивами, целями, намерениями человека. Обосновывается важность изучения языковых форм деструкции на современном этапе развития коммуникативной лингвистики. Рассматриваются тактики деструктивной коммуникации, формы их внешней реализации и языковое воплощение. Выделяются виды проявления конфликтности, назначения «масочной» тактики речевого поведения человека. Разрабатывается типология коммуникативных конфликтов.*

**Ключевые слова:** коммуникативное поведение, деструкция, коммуникативная тактика, конфликтность, угроза, казуистика, ханжество, плутовство, коммуникативная маска, конфликт.

Коммуникативное поведение человека отличается большим разнообразием общих стратегий и конкретных тактик. Любое общение опирается на реальное положение дел и диктуется определенными мотивами, лежащими вне языковой сферы, т.е. «коммуникативное пространство» неразрывно связано с пространством бытия человека [Стернин 2005: 15]. Сам акт речевого поведения в плане порождения аналогичен локутивному акту: он диктуется мотивацией и имеет интенциональные истоки. Мотивация речевого поведения – собственно психологический феномен. Она включает составляющие, вытекающие из разграничения сфер человеческой деятельности: трудовой, мыслительно-интеллектуальной, морально-этической, духовно-нравственной и др. В любой из этих сфер конкретные мотивы могут быть абсолютно различными, однако все они укладываются в два разнонаправленных векторных блока – конструктивный и деструктивный.

Конструктивная мотивация предполагает созидательную деятельность и кооперированное коммуникативное поведение, направленное на поиск точек соприкосновения с другими людьми, понимание и учет их интересов, выработку совместных решений, вежливое и доброжелательное общение. Конструктивное коммуникативное

поведение хорошо изучено в зарубежной и отечественной лингвистике как в теоретическом, так и в практическом плане. Разработаны его модели, определены постулаты, максимы и сформулированы рекомендации, включающие достаточно многочисленный набор положений. Здесь можно назвать ряд основополагающих исследований: [Leech 1983], [Грайс 1985], [Формановская 2002], [Крейдлин 2005].

Деструктивное коммуникативное поведение исследовано намного меньше, что объясняется существованием в культуре (точнее сказать – в национальных культурах) естественной потребности его преодоления, противостояния ему, а соответственно, происходит вытеснение представлений о его механизмах в маргинальные сферы человеческого сознания и на периферию изучения. Между тем, речевая действительность свидетельствует о том, что с развитием цивилизации человек все более и более становится жертвой манипуляций, агрессии, насильственного вовлечения в нежелательные для него роли и положения. Технический прогресс, повышение уровня комфортности бытовой среды, окружающей людей, стандартизация социальных ролей приводят к ослаблению адаптивных поведенческих свойств человека, а это, в свою очередь, не дает возможность ему в полной мере осознавать опасности и негативные влияния. Именно поэтому изучение форм деструктивного коммуникативного поведения, его механизмов и стратегий приобретает особенно большое значение в настоящее время: оно помогает человеку выявить угрозы и защититься от них. В этом заинтересованы гуманитарные и психолого-педагогические науки. Начало данному направлению коммуникативной лингвистики уже положено: например, [Гофман 2009], [Ларина 2015] и др. Кроме того, деструктивные формы коммуникативного поведения (особенно со скрытыми и неявными проявлениями) угрожают устойчивости социальных институтов и благополучию профессионально-трудовых объединений людей, что делает рассмотрение коммуникативной деструкции важным для политологии и менеджмента.

Типология видов и форм коммуникативной деструкции наиболее эффективно разрабатывается с опорой на изучение реального поведения людей, в том числе представленного на страницах произведений литературы. Писатели в не меньшей мере, чем профессиональные психологи, способны определить, а самое главное – представить и жизненно (т.е. убедительно и естественно) воплотить образцы подобного речевого поведения. Комедия А.Н. Островского «Волки и овцы» служит богатым источником материала для обозначенной научной сферы. Построение этой пьесы опирается на многочисленные противоречия интересов героев и выглядит как комплекс разнонаправленных векторов явных и неявных человеческих столкновений. В противоречие друг с другом вступают не только герои, принадлежащие к различным «лагерям

интересов», но и персонажи, на первый взгляд относящиеся к одному «лагерю». Не случайно метафорическое название комедии претерпевает смысловой переворот по ходу развития действия, и две иносказательно обозначенные в нем группы словно бы меняются местами: Мурзавецкая и Чугунов, выглядящие по своему поведению «волками» в первых действиях пьесы, в финале превращаются в «овец», а Глафира и Беркутов, смиренные и неприметные изначально, в итоге оборачиваются «хищниками». На самом деле расклад интересов и мотивация поведения героев в пьесе Островского еще более сложны: каждый персонаж даже внутри обозначенных групп вступает в союз с другим персонажем лишь на время, проводя в реальном речевом поведении свою собственную линию, зачастую сталкивающуюся и вступающую в противоречия (пусть и не слишком явные) с линиями других героев. Таким образом, сама «композиция человеческих характеров» в комедии Островского не менее сложна, чем может быть в реальной жизни, а потому познавательна в плане изучения коммуникативной деструкции.

На примере персонажей Островского можно определить несколько тактик коммуникативного поведения, – в первую очередь *тактики конфликтности и неконфликтности (конструктивности)*. Так, Мурзавецкая на протяжении всей пьесы демонстрирует многообразные формы проявления речевой конфликтности. В каждый момент своего коммуникативного поведения она явно или потенциально демонстрирует эту конфликтность. Устами дворецкого Павлина Островский так характеризует эту поведенческую тактику: *«У Меропы Давыдовны такой характер: с кем из знакомых размолвка – сейчас тяжбу заводить. Помилуйте, знакомство большое, размолвки часты, – только и знаем, что судимся»* [Островский 1975: 117].

Тактику неконфликтности речевого поведения реализует в пьесе Купавина. Если принять во внимание особенности построения действия пьесы, о которых говорилось выше, то становится понятно, что такая тактика выглядит на общем фоне необычной и единичной. В оценках других персонажей она представляется как пассивность и даже неразумность. Тот же Павлин говорит об этом так: *«Барыня молодая, добрая, понятия ни о чем не имеют...»* [Островский 1975: 118]. Островский верно подмечает тот эффект восприятия неконфликтного поведения на фоне разнообразных и всеобщих конфликтов, когда оно производит впечатление человеческой слабости. Между тем, как показывает сюжет пьесы, Купавина вовсе не слаба и не скудна умом: она просто не желает участвовать в столкновении интересов, пытаясь сохранить независимость не путем отражения атак со стороны, а путем их игнорирования.

Стиль коммуникативного поведения Купавиной укладывается в современные теории преодоления (или нивелирования) конфликта.

Считается, что этому способствуют следующие поведенческие практики: «сотрудничество (попытка сторон договориться и прийти к взаимовыгодному решению); уход от конфликта (избегание активного противостояния); уступчивость (корректировка одной из сторон своих интересов); компромисс (взаимные уступки сторон)» [Гузикова, Фофанова 2015: 115-116].

Материальная состоятельность дает Купавиной возможность уходить от конфликта и уступать, – это две наиболее частотные ее коммуникативные практики. К этому следует добавить важное наблюдение над текстом: в своих разговорах Купавина дважды упоминает, что слишком много зависела от других людей ранее (в частности от мужа) и теперь желает пожить «на своей воле». Слово *воля* здесь далеко не случайно. Купавина способна проводить четкую поведенческую линию, не отступать от намеченного и даже реализовывать тайные, далеко идущие поведенческие стратегии в отношении Беркутова. Этими стратегиями она делится с Глафирой, когда узнает, что та не является ее конкуренткой на любовном поприще. Таким образом Островский показывает преимущество неконфликтного конструктивного поведения, его силу в плане достижения поставленных целей при кажущейся внешней слабости и апатичности коммуниканта.

В поведении Мурзавецкой одной из основных форм развития конфликтности являются *угрозы*, разновидности поведенческой агрессии. В коммуникативном плане их также можно назвать тактикой, но дочерней по отношению к ее общей тактике конфликтности. Успешность угроз в деструктивной коммуникации объясняется возникающей у объекта агрессии эмоции страха, связанного в подобном случае с «ощущением неконтролируемости, неподвластности ситуации человеку» [Иоанесян 2020: 25]. В адрес каждого лица из ее окружения у Меропы Давыдовны заранее готов (обдуман и приготовлен к коммуникативному использованию) арсенал угроз, с помощью которых она держит его в повиновении и возбуждает мнимое уважение к себе. В частности, к своему союзнику во многих нечистоплотных делах Чугунову Мурзавецкая без всякого стеснения обращает следующие слова: *«Боишься ты меня, знаешь, что я могу тебя и с места теплого турнуть, и из городу выгнать, – проказ-то немало за тобой; и придется тебе в волостные писаря проситься. Да ведь у меня недолго, я как раз»* [Островский 1975: 127].

Подобное коммуникативное поведение сформировано в Мурзавецкой установлениями крепостничества, на период которого пришлось большая часть ее жизни (в первых сценах пьесы мужики-просители в приемной Мурзавецкой вспоминают, как ее трость «хаживала» по их спинам). В этом пьеса Островского доказывает одно из центральных положений коммуникативной теории: «сознание человека диктует ему правила поведения в соответствии с нормами культуры,

которые в нем сформированы жизненным опытом» [Левицкий 2020: 44].

Другим проявлением конфликтности Мурзавецкой является *стремление выдавать желаемое за действительное*. Будучи натурой волевой, не стесняющейся в средствах и словах, она навязывает своему окружению те модели представления о мире, которые складываются в ее сознании. Мало того, она зачастую специально противопоставляет свое видение мира его реальным характеристикам и законам. Обращаясь к Чугунову, она провозглашает: *«Ах ты, ворона! Да разве я глупей тебя? Разве я не понимаю, что по законам, по тем, что у вас в книгах-то написаны, тут долга нет. Так у вас свои законы, а у меня свои; я вот знать ничего не хочу, кричу везде, что ограбили племянника»* [Островский 1975: 128].

Островский изображает целый ряд конкретных проявлений коммуникативной деструкции, к числу которых принадлежит казуистика, ханжество, плутовство.

Во многих пьесах Островского, где действуют мелкие чиновники, адвокаты, юристы, стряпчие и т.д., различного рода запутывания, улавливание другого человека, расстановка для него сетей показываются в мельчайших подробностях. *Казуистика* – «ловкость, изворотливость в спорах, в доказательстве, защите сомнительных или ложных положений» [БАС: 7: 552]. В комедии «Волки и овцы» речевое поведение Чугунова, крючкотвора и казуиста, обнажает всю неприглядность подобных механизмов общения. Так, в угоду Мурзавецкой подделывая письмо старика Купавина о мнимом долге ей, Чугунов объясняет это следующим образом, отрицая явный подлог: *«Что это вы какие слова говорите! Зачем, благодетельница, такие слова говорить! Ну, что за подлог? Умное дело – вот как это называется. Такая воля была господина Купавина; а не все ли равно, что на словах, что на письме он ее выразил. А если и без письма-то Евлампия Николаевна не поверит и денег не даст, так не больше ли тогда греха-то будет? И воля покойного не будет исполнена, и бедным на помин его доброй души ничего не достанется»* [Островский 1975: 131].

Островский изображает еще одну частотную форму деструктивного коммуникативного поведения – *ханжество*, т.е. вопиющее расхождение слов и поступков человека. Как правило, внешне (на словах) подобная поведенческая линия нарочито подчеркивает принятые в обществе нравственные, семейные и религиозные ценности, принципиально настаивая на их соблюдении всеми окружающими. В собственных же поступках подобные деструктивисты руководствуются исключительно личной выгодой, презирая и попирая провозглашенные в своих высказываниях ценности. Приведем в пример сцену объяснения Мурзавецкой с Чугуновым по поводу указанного выше подложного письма (обратим внимание на скобочную ремарку, которую делает Островский в

сопровождение речи Мурзавецкой и которая иллюстрирует этот пример коммуникативной деструкции): *«Разбойник ты начисто, Вукол, как погляжу я на тебя. Вот я бедным помогаю, так для них можно и душой покривить, грех небольшой; а ты, поди, и для своей корысти от такого баловства непрочь. (Прячет письмо в карман и грозит Чугунову.) Эй, Вукол, совесть-то, совесть-то не забывай, нуще всего! Ведь это дело уголовное»* [Островский 1975: 132].

Другой частной формой коммуникативной деструкции является *плутовство*. Плутовство – «нечестное поведение в каком-либо деле, игре и т.п.; хитрость, лукавство, обман» [БАС: 17: 112]. Подобно казуистике и ханжеству и в отличие от угрозы, оно относится к скрытым видам конфликтности, поскольку не предполагает возможности (за редким исключением – при особой прозорливости противоположной стороны диалога) явного выяснения отношений в специфических для конфликта языковых формах. Иллюстрацией плутовства могут служить многие конкретные проявления коммуникативного поведения Чугунова. Например, в сцене с рекомендацией Купавиной подписать незаполненный вексель:

*«Купавина. Какая странная бумага!*

*Чугунов. Да-с, чудных таких наделали. Извольте писать тут внизу: «Вдова полковника, Евлампия Николаевна Купавина».*

*Купавина пишет.*

*Чугунов. Только и всего-с, вот и деньги. (Засыпает песком.) Случится кому платить, тогда напишем вот тут на бумажке пятьсот рублей или тысячу, и готово.*

*Купавина. Понимаю теперь»* [Островский 1975: 140 – 141].

Коммуникативная тактика конфликтности, свойственная преимущественно Мурзавецкой и Чугунову, изображается Островским во внешнем контрасте, но внутреннем единстве с другой деструктивной коммуникативной тактикой – *тактикой использования поведенческих масок*. Последняя по степени своей деструктивности несколько не уступает, по мнению Островского, конфликтности, а по достигаемому эффекту значительно превосходит ее. Масочное коммуникативное поведение характерно «новым волкам», представленным в образах Глафиры и Беркутова.

Глафира даже внешне облачена в маску, которой служит ее монашеский наряд. В разговоре с Купавиной, разоткровенничавшись, она говорит: *«Мой костюм, поведение, проповеди – все это маска <...> Грубая черная одежда по крайней мере оригинальна и обращает на себя внимание; притом же и улыбнуться кому-нибудь и смело окинуть глазами гораздо эффектнее из-под черного платка, чем из-под старомодной шляпки. Но носить это платье можно недолго и только с известной целью...»* [Островский 1975: 151 – 152].

Масочная тактика деструктивного коммуникативного поведения всегда рассчитана на определенное сценарное воплощение и предполагает втягивание всех коммуникантов в некую игру, задуманную носителем маски. Она не дает сиюминутных результатов, требует выдержки и последовательности в реализации, зато сулит, как правило, немалые выгоды тому, кто ее реализует. Действительность XXI века показывает, что подобная тактика активно используется в политике. Модернизовавшись во внешних языковых формах, по содержанию она остается все той же. Устами Глафиры Островский достаточно точно определяет ее речевые и поведенческие черты: *«Выучилась хитрить, не говорить даром ни одного слова, не иметь стыда, когда чего-нибудь добиваешься, выучилась бесцеремонному обращению, просто наглости, которая идет за откровенностью и простоту <...> Я постараюсь во что бы то ни стало выйти за Лыняева; для этого я готова употребить все дозволенные и даже недозволенные средства»* [Островский 1975: 152]. Глафира открывает внутренние механизмы масочной тактики поведения. Внешне же она может проявляться по-разному. Если у Глафиры это показное смирение, кротость, немногословность, то у Беркутова – афиширование своей деятельности, направленной в ущерб обществу (недаром он собирается баллотироваться в земские начальники), а на самом деле стремящейся все к тому же соблюдению лишь собственных выгод и интересов. Деловая маска Беркутова виртуозно воплощена Островским в письме к Купавиной, которая рассказывает: *«Во-первых, все письмо написано деловым, канцелярским слогом; а во-вторых, смысл его такой: мне наслаждаться природой некогда, у меня важные денежные дела; но если вы хотите, я приеду. Прошу вас не делать никаких перемен в имении, не доверять никому управление, не продавать ничего, особенно лесу»* [Островский 1975: 154]. На самом же деле за всей деловитостью Беркутова и его заботой о положении вдовы Купавиной скрывается давно продуманное им желание прибрать к рукам ее богатое имение. Как Глафира с Лыняевым, так и Беркутов с Купавиной, реализуют масочную тактику длительно, последовательно и целенаправленно. Таковы обязательные условия этого вида коммуникативной деструкции.

Как уже отмечалось, комедия Островского дает достаточно полную, иллюстрированную литературным языковым материалом типологию коммуникативных конфликтов с точки зрения их внутренних механизмов, внешних проявлений, связей с внеязыковыми (психологическими) факторами. Представим ее в обобщенном виде, без детализации, которую можно легко найти на страницах изданий пьесы. Эту типологию логично строить в дихотомичном виде.

1. Конфликт *преднамеренный* – *непреднамеренный*.  
Примеры преднамеренных конфликтов давались выше, когда

представлялось коммуникативное поведение Мурзавецкой. Непреднамеренный конфликт может быть результатом коммуникативной ошибки, просчета, которые случайно допускает один из участников общения. Например, в комедии Островского непреднамеренные конфликты постоянно провоцирует племянник Мурзавецкой Аполлон. Чтобы прикрыть свою необразованность, поверхностность интересов и примитивизм мышления, Аполлон Мурзавецкий использует коммуникативную тактику шутовства, которая и порождает часто непреднамеренный конфликт. Например, в разговорах с теткой и в сцене мнимого сватовства к Купавиной.

2. Конфликт *выраженный – невыраженный (скрытый)*. Это наиболее распространенные типы коммуникативного конфликта. Первый из них, как уже отмечалось, представлен специфическими языковыми средствами: лексикой с негативной семантикой, словами и выражениями с отрицательной коннотацией, словообразовательными формами уничижительности, презрительности и т.п., экспрессивными синтаксическими конструкциями. Невыраженный конфликт подчеркивается преимущественно просодически (интонационно), а также языковыми фигурами умолчания и паралингвистическими средствами, к которым могут добавляться и отдельные внешние физиологические проявления (изменение цвета лица, слезы, вздохи, усмешки и др.). Примером скрытого конфликта может служить объяснение Мурзавецкой и Чугунова по поводу возможности женитьбы ее племянника на Купавиной и потери из-за этого Чугуновым места управляющего:

*«Чугунов (с испугом встает). Матушка, матушка!*

*Мурзавецкая. Чего ты испугался?*

*Чугунов. Ведь уж тогда вы, благодетельница, все управление в свои ручки возьмете?*

*Мурзавецкая. Разумеется, возьму.*

*Чугунов. А я-то куда же, благодетельница?*

*Мурзавецкая. А куда хочешь. Вот, очень мне нужно! Будет с тебя, нагрел руки-то» [Островский 1975: 120].*

3. Конфликт *обдуманый (рассчитанный) – спонтанный*. Обдуманый конфликт реализуется по заранее намеченной одним из коммуникантов схеме, он управляется одной из сторон общения, в то время как для другой представляется абсолютно неожиданным и непрогнозируемым. В комедии Островского мастером обдуманных конфликтов выступает Мурзавецкая. В частности, желая женить своего племянника на богатой вдове, она сознательно провоцирует с ней имущественный конфликт, чтобы в процессе его улаживания получить желаемый результат. Спонтанный конфликт развивается неуправляемо для всех сторон коммуникации.

4. Конфликт *многоаспектный – точечный*. Это разновидность конфликта по содержанию. Многоаспектный конфликт характеризуется как более глубинный и трудно преодолимый в сравнении с точечным. Последний же является, как правило, реактивным на только что произнесенные слова собеседника. Точечный конфликт часто касается языковых форм почтительности, уважения, вежливости, которые, по мнению коммуниканта, не соблюдает противоположная сторона. Классический образец точечного конфликта дан в объяснении Мурзавецкой с Купавиной в связи с денежными пожертвованиями на милостыню:

*«Купавина. Да я помню... вы говорили мне... я привезла.*

*Мурзавецкая. Что это ты, словно сквозь зубы цедишь? Этак мне, пожалуй, и не надобно. Разве так добро-то делают? Не свои я тебе слова-то говорила.*

*Купавина. Да я вам верю.*

*Мурзавецкая. Видно, плохо веришь...»* [Островский 1975: 136 – 137].

5. Конфликт *масштабный – локальный*. Это характеристика конфликта по продолжительности: масштабный конфликт растянут во времени, локальный – ограничен. В пьесе Островского оба названных типа конфликтов иллюстрируются в развитии действия не однажды. И Мурзавецкая, и Глафира, и Беркутов способны вести длительную линию коммуникативной деструкции со своими соперниками (например, Беркутов с Чугуновым), но могут осуществлять акт коммуникативной деструкции и локально. Таким способом, например, Беркутов добивается от Мурзавецкой «снятия» ее имущественных претензий к Купавиной. Локальность конфликта – это характеристика сугубо временная. Она не касается глубины конфликта. Локальный конфликт может быть глубоким и обдуманым. Именно к такому типу принадлежит указанный выше конфликт Беркутова и Мурзавецкой по поводу купавинского имения.

6. Конфликт *нарочитый – естественный*. Нарочитый конфликт специально провоцируется одним из коммуникантов, как правило, для разрешения какой-либо одной ситуации, связанной для него с сиюминутными трудностями. Нарочитый конфликт проявляется в однократном поведенческом и речевом выпаде в адрес собеседника. Естественный конфликт возникает в результате постепенного нагнетания напряженности в отношениях и чаще всего провоцируется не одной, а обеими сторонами. Нарочитые конфликты в комедии Островского чаще всего создает Аполлон Мурзавецкий, чтобы добиться какой-либо сиюминутной примитивной цели. Например, так он добивается от тетки разрешения выпить вина, в то время как она стремится его ограничивать. Аналогичным образом он общается и с дворецким Павлином.

7. Конфликт *претенциозный* – *лично-характеристический*. Претенциозный конфликт обусловлен определенными целями, зачастую серьезно обдуман и рассчитан одной из сторон. Он сопровождается языковой формулировкой претензий и требованием их удовлетворения. Лично-характеристический конфликт определяется внутренними свойствами конкретного человека, ориентированного в своем поведении на коммуникативную деструкцию. Склонность к этому типу конфликтов является чертой характера человека и может быть присуща ему на протяжении всей жизни. О таком человеке говорят, что он конфликтен. Нередко к этому добавляются и другие свойства характера, имеющие деструктивную коммуникативную выраженность: нетерпимость, агрессивность, резкость, безапелляционность и т.п. Мурзавецкая у Островского способна провоцировать оба обозначенных типа конфликтов. Так, целью ее претенциозного общения с Купавиной является завладение именем последней: «*А ты беспокоишься? Напрасно, тебе какое дело, что твой муж его ограбил? Нищий, так нищий, ну и проси милостыню да с горя по кабакам ильйся! Вот как живи, так богата будешь. Али ты не такая?*» [Островский 1975: 137].

Разумеется, представленная типология конфликтов не претендует на исчерпывающую полноту. Необходимо также отметить, что ее классификационные группы находятся в отношениях дополнительности друг к другу: конкретный конфликт может входить в разные типологические блоки, совмещая их характеристики. Но вместе с тем она дает достаточно объемное и разностороннее представление о конфликте как форме коммуникативной деструкции и способна продвинуть вперед ее научное осмысление.

### ***Библиографический список***

*БАС* – Большой академический словарь русского языка. Т. 1-26. М., СПб.: Наука, 2004-2019.

*Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.

*Грайс Г.Ф.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

*Гузикова М.О., Фофанова П.Ю.* Основы теории межкультурной коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 218 с.

*Иоанесян Е.Р.* Страх // Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. Коллективная монография. М.: Институт языкознания РАН, 2020 С. 13–25.

*Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.

*Ларина Т.В.* Невежливость и грубость в общении американцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Вып. 3. С. 34–42.

*Левицкий А.Э.* Межкультурные конфликты и пути их преодоления (на материале англоязычной художественной прозы 1-ой половины XX века) // Человек в современном коммуникационном пространстве. Коллективная монография. Иваново: ЛИСТОС, 2020. С. 42–49.

*Островский А.Н.* Волки и овцы // Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. 4. М.: Искусство, 1975. С. 113–207.

*Стернин И.А.* Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2005. 52 с.

*Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

*Leech G.N.* Principles of pragmatics. London: Longman, 1983. 257 p.